August: графство Осейдж

Автор:
Трейси Леттс

August: графство Осейдж

Трейси Леттс

…неожиданно исчезает Беверли Уэстон, некогда известный поэт. Семейство собирается вместе, и тут начинается… Люди принимаются разбивать друг другу сердца. И как разбивают: смешно и трогательно, отчаянно, будто завтра апокалипсис.

Ироническая история любви, отчаяния и тайны от лауреата Пулицеровской премии. Самая значительная американская пьеса, поставленная на Бродвее за последние 12 лет…

«Грандиозное достижение современной американской драматургии».

Time Out New York

«Бьюсь об заклад, вы еще не видели такой несчастной во всех отношениях семьи. Но в то же время это невероятно занимательная и трогательная история, насыщенная характерами и событиями.

“August: графство Осейдж” – сага о семье из Оклахомы, переживающей свой локальный апокалипсис. Уморительно смешная и пронзительно грустная комедия».

The New York Times

«Эта пьеса заставляет нас улыбаться и размышлять, содрогаться от ужаса и хохотать еще долго после того, как погасли огни рампы».

Newsday

«Чрезвычайно занимательная... по-настоящему ядреная пьеса».

The New York Post

Трейси Леттс

Август: графство Осейдж

Август: графство Осейдж[1 - Название пьесы взято из стихотворения Говарда Старкса «Август: графство Осейдж».]

Пулицеровская премия 2008 г. в разделе драматургии

Действующие лица

Семья Уэстон

БЕВЕРЛИ УЭСТОН, 69 лет

ВАЙОЛЕТ УЭСТОН, жена Беверли, 65 лет

БАРБАРА ФОРДАМ, дочь Беверли и Вайолет, 46 лет

БИЛЛ ФОРДАМ, ее муж, 49 лет

ДЖИН ФОРДАМ, их дочь, 14 лет

АЙВИ УЭСТОН, дочь Беверли и Вайолет, 44 года

КАРЕН УЭСТОН, дочь Беверли и Вайолет, 40 лет

МЭТТИ ФЭЙ ЭЙКЕН, сестра Вайолет, 57 лет

ЧАРЛИ ЭЙКЕН, муж Мэтти Фэй, 60 лет

«МАЛЫШ ЧАРЛИ» ЭЙКЕН, их сын, 37 лет

Остальные действующие лица

ДЖОННА МОНЕВАТА, помощница по хозяйству, 26 лет

СТИВ ХАЙДЕБРЕХТ, жених Карен, 50 лет

Шериф ДИОН ГИЛБО, 47 лет

Сын приезжает домой, и родитель расставляет свои сети. Старику – или старухе – нечего сказать сыну. Им и надо всего-навсего, чтобы ребенок посидел час-другой в кресле да лег с ними спать под одной крышей. Это не любовь. Я не утверждаю, что нет такой вещи, как любовь. Я просто говорю о том, что отличается от любви, но иногда пользуется ее именем. Вполне может статься, что без того, о чем я говорю, вообще бы не было никакой любви. Но само по себе это не любовь. Это в крови человека. Тяга к родной крови – это всем

предопределено. Она и отличает человека от довольной твари. Когда вы рождаетесь, ваши отец и мать что-то теряют и лезут из кожи вон, чтобы это вернуть, а это и есть вы. Они знают, что всего им не вернуть, но постараются вернуть кусок побольше. И возвращение в лоно семьи, с обедом под кленами, очень похоже на ныряние в бассейн к осьминогам.

Роберт Пенн Уоррен. «Вся королевская рать»

(Москва, «Правда», 1988, перевод В. Голышева)

Пролог

Август 2007 года. Большой загородный дом на окраине г. Похаска, штат Оклахома, в шестидесяти милях к северо-западу от Талсы. Дому более ста лет; возможно, в свое время он был построен семьей преуспевающих ирландских переселенцев. Последующие пристройки, переделки и ремонты, имевшие место вплоть до 1972 года, значительно модернизировали его, после чего с реконструкцией было покончено.

На первом этаже:три основные игровые площадки разделены между собой проходами. Правая часть – столовая: большой обеденный стол в миссионерском стиле на восемь человек; в буфете того же стиля – посуда из тонкого фарфора. Над столом висит грязная хрустальная многоярусная люстра, отбрасывающая унылый желтый свет. Вглубине – арка, ведущая в маленькую гостиную. На столике рядом с мягким креслом – дисковый телефонный аппарат. Дальше, вглубине, дверь, ведущая в прихожую.

По центру на переднем плане – главная гостиная. Здесь стоят диван-кровать, телевизор, стереопроигрыватель, электрическое пианино.

Левая часть – кабинет. Среднего размера рабочий стол завален книгами, блокнотами, папками, писчей бумагой. На заднем плане – арка, ведущая к входной двери, лестничной площадке и лестнице на второй этаж. Дальше, в глубине сцены, частично открывается вид на кухню. С левого края – заросшее сухой травой переднее крыльцо, на котором валяется несколько старых газет, свернутых трубочкой.

На втором этаже:лестничная площадка, на которую ведет лестница (над гостиной первого этажа). Под окном – сиденье. Коридор ведет к спальням. Лестничный пролет ведет на мансарду.

В центремансарды– одна комната с островерхим потолком и покатыми стенами, переделанная под спальню.

Весь дом завален книгами.

Все окна в доме закрыты дешевыми клеенчатыми жалюзи, по краям приклеенными к стене черной изоляционной лентой, что обеспечивает полное отсутствие дневного света.

БЕВЕРЛИ. «Жизнь очень длинна…» Т. С. Элиот. Все-таки, по-моему… надо воздать ему по заслугам, раз он взял на себя труд это написать. Конечно, он не первый, кто это сказал… и уж точно не первый, кто об этом подумал. Или прочувствовал. Но он написал эти слова на листе бумаге и подписался под ними. Так что, уж если вы произносите их вслух, то надо называть и его имя, потому что этот очкарик был гением.

«Жизнь очень длинна»: Т. С. Элиот.

Чертовски точно подмечено. Уж он-то знал наверняка, ведь дожил до семидесяти шести или около того, а это очень много, особенно для его поколения. И ведь ему было всего за тридцать, когда он это написал. Должно быть, черпал откровения из ему одному известного источника.

С дьяволом надо быть всегда начеку. Мало кто из поэтов смог бы пройти через подстроенные им ловушки и выбраться из них в лучшем виде: припомаженным, в двубортном костюме, и в придачу добрым христианином. Нетрудно представить себе реакцию, скажем, Харта Крейна или Джона Берримена, доведись им встретиться с первой женой Элиота, прелестной Вивьен. Они бы со всех ног бросились к ближайшему мосту и сиганули с него, эти мастера спорта по суициду! Но только не Элиот: прожив немало лет с чувством вины, он наконец засунул жену в первую попавшуюся психушку и продолжал жить как ни в чем не бывало. Боже праведный! Снимаю шляпу – вот это инстинкт самосохранения!

Как сказал старина Берримен, «мир постепенно превращается в место, где я больше не хочу находиться». Я ощущаю в себе некое родство со смятенными душами. Не знаю, с какой стороны это меня характеризует – возможно, не с самой лучшей… Я восхищаюсь Элиотом как поэтом, но как человеком?.. Не уверен.

ВАЙОЛЕТ (за сценой). …сссукин …сын…

БЕВЕРЛИ. Это Вайолет. Моя жена. Она сидит на таблетках, и дозы зачастую немалые. И они оказывают на нее воздействие… В частности, на ее равновесие. Но, к счастью, после того как она примет свои таблетки, равновесие ей больше ни к чему. Порой она падает во время прогулок… но она нечасто гуляет. Моя жена пьет таблетки, а я просто пью. Вот такую сделку мы заключили между собой, точнее, это одна из сделок. Всего лишь еще один пункт в нашем брачном договоре… надо признать, довольно жестокий. Так что она пьет таблетки, а я напиваюсь. Причем напиваюсь не оттого, что она пьет таблетки. Но принимает ли она таблетки, потому что я пью? Не знаю, я давно зарекся что-либо говорить за свою жену. Теперь уже не важно, почему у нас все так сложилось. Суть в том, что моя жена сидит на таблетках, а я пью. Со временем нам стало довольно обременительно поддерживать какой-то элементарный порядок в нашем типично американском хозяйстве: платить по счетам, делать покупки, стирать белье, чистить ковры или сортиры… И вот, вместо того чтобы в очередной раз посыпать голову пеплом в знак признания вины… и дать обет воздержания в слабой надежде как-то выправить курс нашего семейного корабля, я решил положиться на Высшие Силы (поднимает стакан) и примкнуть к классу работодателей.

Мне немного не по себе от такого решения.

Я умею стирать свое нижнее белье… мы всю жизнь делали это сами, я или жена, но теперь мне кажется, что стирка мешает мне пить. «Можно кое-что сказать в пользу трезвости – но очень немногое». Это опять Берримен. Вот поэтому вы здесь.

Дом пока еще не в самом ужасающем состоянии. Я все делал, как полагается, как-то управлялся. Вот и вчера вечером я сжег целую кучу ненужных бумаг и мусора…

Знаете… самый обычный счет может так много значить. Когда его срок истекает… когда счет не оплачен… тогда слова и цифры в нем будто превращаются в какие-то инопланетные символы. А ведь это всего лишь бумага. Хуже, чем чистая бумага.

(Джонна вытирает пот со лба. Беверли достает из кармана сложенный носовой платок и протягивает ей.)

Он чистый.

ДЖОННА (вытирая лоб). Спасибо.

БЕВЕРЛИ. Прошу прощения за эту жару. Моя жена очень хладнокровная женщина, причем не только в переносном смысле. Она не верит в кондиционеры. Как будто в них есть что-то, во что можно не верить!

ДЖОННА. Да, мой папа был такой же. Я к этому привыкла.

БЕВЕРЛИ. А знаете, я ведь был знаком с мистером Янгбёрдом.

ДЖОННА. Вы знали папу?

БЕВЕРЛИ. Это же маленький городишко! Я всегда покупал арбузы у него в лавке. А летом он иногда продавал и фейерверки, верно?

ДЖОННА. Да, сэр.

БЕВЕРЛИ. Я покупал у него римские свечи для детей. Он умер, так ведь?

ДЖОННА. Да, сэр.

БЕВЕРЛИ. Можно узнать, как это произошло?

ДЖОННА. У него случился инфаркт. Он упал прямо в кузов машины, груженной виноградом.

БЕВЕРЛИ. Виноградом? Это в Оклахоме-то? Сочувствую.

ДЖОННА. Спасибо.

(Беверли допивает свой стакан и наливает еще.)

БЕВЕРЛИ. Можно вас спросить о фамилии?

ДЖОННА. Что?

БЕВЕРЛИ. Ведь он был Янгбёрд, а вы…

ДЖОННА. Моневата.

БЕВЕРЛИ. «Моневата».

ДЖОННА. Я решила вернуть себе имя на родном языке.

БЕВЕРЛИ. И это тоже означает «молодая птичка»?

ДЖОННА. Да.

БЕВЕРЛИ. Вы сами так решили?

ДЖОННА. Ну да.

БЕВЕРЛИ. (Поднимает стакан.) Ваше здоровье!

(Вайолет зовет из-за сцены.)

ВАЙОЛЕТ. Бев!..

БЕВЕРЛИ (про себя)

В ночи, в том древнем доме —

Огромном, черном, проклятом, немом…[2 - Из стихотворения Джона Берримена «Проклятие», перевод О. Буховой. – Здесь и далее примеч. пер.]

(На лестничной площадке второго этажа зажигается тусклый свет. Появляется Вайолет, в измятой одежде, только что с постели, с сигаретой в зубах. Сощурившись, она смотрит вниз на полутемную лестницу.)

ВАЙОЛЕТ. Беверли!

БЕВЕРЛИ. Да?

ВАЙОЛЕТ (говорит невнятно). Это… ты… пу… пулицию?..

БЕВЕРЛИ. Что?

ВАЙОЛЕТ. Это ты?..

(Долгая пауза. Вайолет напряженно вглядывается в полумрак в ожидании ответа. Беверли смотрит на нее, ожидая окончания вопроса.)

БЕВЕРЛИ. Что, дорогая?

ВАЙОЛЕТ. Черт бы его… побрал. Это ты? Здесь что… полиция?

БЕВЕРЛИ. Нет, что ты!

ВАЙОЛЕТ. Тут окно? Я в окно смотрю, да? Окно?

БЕВЕРЛИ. Ты можешь спуститься?

(Вайолет думает, затем, громко топая, спускается по лестнице в кабинет и приходит в замешательство от присутствия Джонны.)

ВАЙОЛЕТ. О! (Невнятно.) Добрый вечер!

ДЖОННА. Здравствуйте.

ВАЙОЛЕТ (обращаясь к Беверли). Не знала, что у тебя го-ооости.

БЕВЕРЛИ. Это Джонна, молодая женщина, о которой я тебе говорил.

ВАЙОЛЕТ. Ты хочешь сказать… она… женщина?

БЕВЕРЛИ. Что-что?

ВАЙОЛЕТ. Женщина. Жен-щина. Женщи-на.

БЕВЕРЛИ. Да, дорогая, я хочу ее нанять на работу, чтобы она следила за нашим домом.

ВАЙОЛЕТ. О!.. Так ты теперь нанимаешь женщин, вон как? Я думала, ты говорил о другой женщине.

БЕВЕРЛИ. Какой другой женщине?

ВАЙОЛЕТ. (Пауза, затем угрожающе.) Что?!

БЕВЕРЛИ. Я ее нанимаю, чтобы она готовила и убиралась… и возила тебя в клинику и в…

ВАЙОЛЕТ (стараясь говорить максимально четко). В соответствии с предъявленным… гражданским иском, выражаясь свойственным тебе… языком… я думала, ты имел в виду… что ты решил женщину НАНЯТЬ!

БЕВЕРЛИ. Я тебя не понимаю.

ВАЙОЛЕТ (Джонне, неожиданно любезно). Здрааавствуйте!

ДЖОННА. Здравствуйте, мэм.

ВАЙОЛЕТ. Извините. (Делает реверанс.) Лучше вот так.

ДЖОНА. Да, мэм.

ВАЙОЛЕТ. Я Вайолет. А тебя как зовут?

ДЖОННА. Джонна.

ВАЙОЛЕТ. Ты очень хорошенькая.

ДЖОННА. Спасибо.

ВАЙОЛЕТ. Ты ведь индианка?

ДЖОННА. Да, мэм.

ВАЙОЛЕТ. А из какого племени?

ДЖОННА. Чейен.

ВАЙОЛЕТ. А я, по-твоему, хорошенькая?

ДЖОННА. Да, мэм.

ВАЙОЛЕТ. (Опять делает реверанс.) Вот… так, да? (Опять реверанс.) Вот так… (Опять делает реверанс, теряет равновесие, но удерживается на ногах.)

БЕВЕРЛИ. Осторожно!

ВАЙОЛЕТ (обращаясь по-прежнему к Джонне, невнятно). Теперь ты… дом. Извини, я… я лекарство приняла для мусс… мысс… мышц.

БЕВЕРЛИ. Дорогая, почему бы тебе не вернуться в постель?

ВАЙОЛЕТ. Почему бы тебе не пойти ко всем чертям?

БЕВЕРЛИ. Хорошо.

ВАЙОЛЕТ (Джонне). Извини. Я буду жуууутко милой, аж до тошноты. Такоооой миииилой! Не-про-твор… непритворно милой.

(Гасит сигарету в пепельнице на рабочем столе Беверли. Пристально смотрит на Джонну, будто собираясь еще что-то сказать, но затем внезапно выходит.)

БЕВЕРЛИ. Кажется, я говорил по телефону, что вас порекомендовал доктор Бёрк. Он считает, что вы достаточно квалифицированны, чтобы справиться со всеми нашими нуждами.

ДЖОННА. Мне оставалось всего год учиться в колледже до диплома медсестры. Но когда умер папа, пришлось бросить учебу, чтобы как-то поддержать маму и бабушку.

БЕВЕРЛИ. Доктор Бёрк сказал, что вы долго искали работу.

ДЖОННА. Я убирала дома, сидела с детьми.

БЕВЕРЛИ. Еще он упомянул, что вы хотите жить здесь, с нами.

ДЖОННА. Да, сэр.

БЕВЕРЛИ. У нас тут странноватый распорядок. Постарайтесь не обращать внимания, день на улице или ночь – у нас все едино. Но я сомневаюсь, что вам удастся наладить какое-то подобие здорового образа жизни.

ДЖОННА. Мне нужна работа.

БЕВЕРЛИ. А что касается работы, то она самая обычная. Лично мне нужно очень мало внимания. Я прекрасно обхожусь и без него – я своего рода человек-кактус! А вот у моей жены рак, так что ее надо возить в Талсу на заключительные сеансы химиотерапии. В вашем распоряжении тот драндулет американского производства, что стоит под навесом. Можете пользоваться абсолютно всем в этом доме, всем этим барахлом, что набралось у нас за целую жизнь. Уж коль скоро вы собираетесь здесь жить, то я хочу, чтобы вы жили по-человечески. Вы меня понимаете?

ДЖОННА. Да, сэр.

БЕВЕРЛИ. И пожалуйста, зовите меня Беверли. Вопросы есть?

ДЖОННА. А какой у нее рак?

БЕВЕРЛИ. Я что, не сказал? Господи, чуть не упустил самое важное: рак горла.

ДЖОННА. Какие таблетки она принимает?

БЕВЕРЛИ. Валиум. Викодин. Дарвон. Дарвоцет. Перкодан. Перкоцет. Ксанакс для кайфа. Оксиконтин, когда под рукой нет ничего другого. Амфетамины раз в день, просто чтобы убедиться, что я все еще реагирую на ее выходки. И конечно, дилаудид. Как я мог пропустить дилаудид?

(Беверли испытующе смотрит на нее. Допивает содержимое стакана.)

Моя жена… Вайолет… Вайолет, моя жена, не верит, что ей необходимо лечиться от лекарственной зависимости. С ней такое уже один раз случилось, и тогда ее привели в полный порядок… но потом она все же выбрала для себя другую реальность. Вы хотели спросить, почему она не лечится, да?

ДЖОННА. Нет, сэр.

БЕВЕРЛИ. Вот и хорошо. Как гора с плеч. Подождите минутку…

(Беверли встает, пошатываясь – то ли от усталости, то ли от выпитого, – и что-то ищет на книжной полке.)

Вот мое последнее утешение, мои книги: источник такой же простой радости, как дикий лук, найденный у обочины, или взаимная любовь.

(Берет книгу с полки и дает Джонне.)

ДЖОННА. Т. С. Элиот.

БЕВЕРЛИ. Хотите – прочтите, хотите – нет. Это уже вне служебных обязанностей. И не стесняйтесь, берите любые мои книги.

(Беверли декламирует или напевает английскую детскую хороводную песенку, смысл которой в повторении одних и тех же действий; в оригинале ‘Here we go round the prickly pear, prickly pear, prickly pear etc…’)[3 - Примеч. пер.].

Акт 1

Сцена 1

В гостиной находятся Айви, Мэтти Фэй и Чарли. Мэтти Фэй пьет виски. Чарли включил ТВ-канал, по которому показывают бейсбольный матч, на минимальную громкость и пытается краем глаза следить за счетом; у него в руках бутылка пива.

В остальных частях дома: Вайолет говорит по телефону в маленькой гостиной; Джонна на кухне, готовит и убирается.

МЭТТИ ФЭЙ. С Беверли такое и раньше случалось.

АЙВИ. Да, я в курсе.

МЭТТИ ФЭЙ. Помнишь, он просто так, ни с того ни с сего, брал и уезжал – и ни звонка, ничего. Помнишь, Чарли?

ЧАРЛИ. У них вечно были какие-то проблемы…

МЭТТИ ФЭЙ. А однажды, помню, он просто встал и ушел, не сказав ни слова. Я тогда еще сказала Вайолет: «Я бы на твоем месте просто сложила вещи этого мерзавца и выставила на крыльцо». А ведь ты сама знаешь, я всегда любила твоего отца.

АЙВИ. Конечно.

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, правда, он всегда мне нравился, можешь ни капельки не сомневаться. В конце концов, это же я познакомила Вайолет с Беверли.

ЧАРЛИ. Ты их не познакомила.

МЭТТИ ФЭЙ. Еще как познакомила.

ЧАРЛИ. У тебя было назначено с ним свидание, а ты не пошла и послала вместо себя свою сестру!

МЭТТИ ФЭЙ. Это и называется «познакомила». А как же еще, по-твоему, знакомят?

ЧАРЛИ. Все же мне кажется, это не совсем точно сказано…

МЭТТИ ФЭЙ. Просто он был для меня слишком стар, а Вайолет – наша «робкая фиалка» Вайолет сама ни за что бы не нашла себе мужчину.

ЧАРЛИ. Никто никогда не называл ее «робкой фиалкой»…

МЭТТИ ФЭЙ. Чарли и твой отец всегда прекрасно ладили. На рыбалку вместе ездили.

АЙВИ. Я знаю.

МЭТТИ ФЭЙ. Но теперь, когда Беверли просто так вот взял и уехал, без объяснений, и даже записки не оставил, моя прямая обязанность – позаботиться о сестре.

ЧАРЛИ. Ты никому ничего не обязана.

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, я обязана поддержать сестру!

ЧАРЛИ. Ты вовсе не обязана вмешиваться, когда речь идет о проблемах в чьем-то браке.

МЭТТИ ФЭЙ. Это не чей-то брак, когда дело касается моей старшей сестры, и даже не пытайся меня остановить. У Айви тоже есть сестры, она понимает, о чем я. Я так ей тогда и сказала: «Вайолет, собери вещи этого мерзавца и выстави на крыльцо! И все эти его чертовы книги, над которыми он так трясется, тоже. Просто сложи и сожги во дворе. Прекрасный будет костер! И бумаги, и все-все…»

ЧАРЛИ. Ну как можно сжечь чьи-то книги?

МЭТТИ ФЭЙ. Может, уже хватит мне перечить?

ЧАРЛИ. Книги-то при чем? В чем провинились его вещи?

МЭТТИ ФЭЙ. В любом случае, она этого не сделала, так что сейчас уже не важно…

ЧАРЛИ. Еще не хватало, чтобы она это сделала!

МЭТТИ ФЭЙ. Вот что я тебе скажу, Чарли Эйкен: если когда-нибудь тебе только в голову придет вот так, ни с того ни с сего, уйти, я не знаю, что я…

ЧАРЛИ. Я пока никуда не собираюсь…

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, я только говорю, что если бы ты такое выкинул, то я дала бы тебе три дня, чтоб ты себе мозги вправил, а после этого все полетело бы в костер, так и знай.

ЧАРЛИ. Так разве я куда-то…

МЭТТИ ФЭЙ. Это на тот случай, если бы ты вдруг такое надумал.

ЧАРЛИ. Да не собираюсь я никуда!

МЭТТИ ФЭЙ. Хотя не то чтобы у Чарли были какие-то книги. Не думаю, что я когда-нибудь видела его с книгой в руках.

ЧАРЛИ. Это что, шпилька в мой адрес? Тебе что-то не нравится?

МЭТТИ ФЭЙ. Но я правда не видела. Какую последнюю книгу ты прочел?

ЧАРЛИ. Черт бы тебя побрал!

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, ты просто скажи. Что ты последнее читал?

ЧАРЛИ. Беверли был преподавателем, им свойственно читать книги. А я занимаюсь обивкой мебели, и в нашем деле…

МЭТТИ ФЭЙ. Значит, ты не можешь назвать, что ты последнее прочел.

ЧАРЛИ. Ну что ты заладила? Эта девочка волнуется о своем отце, он же неизвестно куда пропал. И ей совершенно ни к чему сидеть тут и слушать, как мы…

МЭТТИ ФЭЙ. Думаю, мы все очень переживаем за Беверли.

ЧАРЛИ. Тогда что ты мне все кишки проела?!

МЭТТИ ФЭЙ. Но знаешь, он все-таки вернулся тогда, и у них все наладилось. И на этот раз он тоже вернется, я уверена.

АЙВИ. Мне кажется, на этот раз все по-другому.

МЭТТИ ФЭЙ. Вот и мне так кажется.

ЧАРЛИ. Почему?

МЭТТИ ФЭЙ. Потому что тогда…

ЧАРЛИ. Я не тебя спрашиваю. (Обращаясь к Айви.) Почему ты решила, что на этот раз все по-другому?

АЙВИ. Мне кажется, тогда они еще как-то старались.

МЭТТИ ФЭЙ (обращаясь к Чарли). Это я и хотела сказать. (Обращаясь к Айви.) Беверли был таким сложным человеком.

АЙВИ. Вот именно.

ЧАРЛИ. Перестань говорить «был».

МЭТТИ ФЭЙ. Но ведь это правда. То есть что он – очень сложный человек.

ЧАРЛИ. Сложный, но как-то ненавязчиво.

АЙВИ. Вроде Чарльза.

ЧАРЛИ. Да-да, вроде Малыша Чарли. Совершенно верно.

МЭТТИ ФЭЙ. Но он совсем не похож на Малыша Чарли.

ЧАРЛИ. Просто она имеет в виду, что они оба сложные, но ненавязчивые, тихие…

МЭТТИ ФЭЙ. Малыш Чарли вовсе не сложный.

ЧАРЛИ. А я считаю…

МЭТТИ ФЭЙ. Малыш Чарли не сложный. Просто он сидит без работы.

ЧАРЛИ. Он – созерцатель.

МЭТТИ ФЭЙ. Единственное, что он созерцает, – это телевизор.

ЧАРЛИ. То есть ты так и не поняла, что Айви имела в виду.

МЭТТИ ФЭЙ. Нет.

ЧАРЛИ. Что и Малыш Чарли, и Беверли – оба сложные натуры…

МЭТТИ ФЭЙ. Дорогой мой, чтобы быть «сложной натурой», надо мозги иметь.

ЧАРЛИ. Так а я про что? Или ты хочешь сказать, что у нашего сына мозгов маловато?

МЭТТИ ФЭЙ. Именно это я и говорю.

ЧАРЛИ. Да что с тобой сегодня? (Обращаясь к Айви.) Твой двоюродный брат – очень умный парень.

МЭТТИ ФЭЙ. Я вся вспотела. А ты вспотел?

ЧАРЛИ. Да, просто весь взмок. Здесь, наверное, градусов под девяносто.

МЭТТИ ФЭЙ. Вот, потрогай мою спину.

ЧАРЛИ. Не хочу я трогать твою спину.

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, ты потрогай. У меня по спине пот прямо ручьем льется.

ЧАРЛИ. Я тебе верю.

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, ты потрогай!

ЧАРЛИ. Не хочу!

МЭТТИ ФЭЙ. Ты просто руку положи…

ЧАРЛИ. Боже ты мой!

МЭТТИ ФЭЙ. Пот просто градом…

ЧАРЛИ. Айви, я хочу у тебя кое-что спросить. Когда это началось? Я имею в виду эти заклеенные окна, опущенные жалюзи.

АЙВИ. Пару лет назад, наверное.

МЭТТИ ФЭЙ. Господи, неужели мы так давно тут не были?

ЧАРЛИ. А ты знаешь, для чего это все сделано?

МЭТТИ ФЭЙ. Даже не скажешь, ночь за окном или день.

АЙВИ. Думаю, для того и сделано.

ЧАРЛИ. Не знаю, по-моему, это не очень полезно.

МЭТТИ ФЭЙ. Конечно неполезно. Человеку необходим солнечный свет.

ЧАРЛИ. Интересно, кому из них двоих это пришло в голову?

АЙВИ. Как-то не верится, что папе.

ЧАРЛИ. Нет, не думаю, что ему. Не знаю, как вас, а лично меня вся эта светомаскировка вгоняет в уныние. Ведь все, что человека окружает… (Обращает внимание на проигрыватель.) А это еще что такое? Альбом Эрика Клэптона? Что, Вайолет любит Клэптона?

(Мэтти Фэй начинает отдирать клейкую ленту с одного из жалюзи.)

Не надо, оставь.

МЭТТИ ФЭЙ. Организму нужно солнце.

ЧАРЛИ. Сейчас вечер. И к тому же ты не у себя дома, ты не можешь приходить к людям и начинать что-то переделывать по-своему…

МЭТТИ ФЭЙ. Неужели правда, что мы здесь не были два года?

(Входит Вайолет.)

ВАЙОЛЕТ. Он сказал, они проверили все больницы, но Беверли нигде нет.

МЭТТИ ФЭЙ. Кто? Дорожный патруль?

ВАЙОЛЕТ. Не дорожный патруль, а шериф Гилбо.

МЭТТИ ФЭЙ. Гилбо? Только не говори мне, что Си Джей Гилбо стал шерифом!

ВАЙОЛЕТ. Нет, это не Си Джей, а его сын Дион.

МЭТТИ ФЭЙ. Вот и я хотела сказать…

ВАЙОЛЕТ. Он ходил в школу с девочками. Дион. Он в твоем классе был, Айви?

АЙВИ. Нет, кажется, в классе Барбары.

МЭТТИ ФЭЙ. Правда?

ЧАРЛИ. О ком это вы?

МЭТТИ ФЭЙ. Мы росли с этим парнем, Си Джеем Гилбо. Маленький паршивец, настоящий малолетний преступник…

ВАЙОЛЕТ. А теперь его сын Дион стал шерифом.

МЭТТИ ФЭЙ. Отец Си Джея был проповедником, так что сам понимаешь…

ЧАРЛИ. Тогда все ясно.

МЭТТИ ФЭЙ. …сам понимаешь, что это за люди.

ВАЙОЛЕТ. А помнишь, его даже в колонию отправляли…

МЭТТИ ФЭЙ. Да-да, помню, там было что-то, связанное с убийством…

ВАЙОЛЕТ. Да, боксера.

МЭТТИ ФЭЙ. Правильно, с убийством той собаки, боксера.

ВАЙОЛЕТ. А теперь его сын Дион – шериф. Я же тебе посылала подписку на «Похаска джорнэл»… ты не читаешь?..

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, не читаю.

ВАЙОЛЕТ. …чтобы вы там у себя, в высшем обществе Талсы, знали, что происходит у нас в захолустье.

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, я не читаю.

ВАЙОЛЕТ. Ну, вот именно, а если бы читала, то знала бы, что этот парнишка, Дион, стал шерифом.

АЙВИ. Какие больницы они проверяли?

ВАЙОЛЕТ. Да целую кучу.

АЙВИ. А что еще он сказал?

ВАЙОЛЕТ. Что лодки нет на месте.

(Пауза.)

АЙВИ. Мама? Что еще?

ВАЙОЛЕТ. Он посылал полицейского на пристань узнать, не видел ли кто-нибудь твоего отца, – и оказывается, его лодки нет на месте.

МЭТТИ ФЭЙ. Только не это!

ВАЙОЛЕТ. Он говорит, за последнее время там украли несколько лодок, так что это еще ничего не доказывает. Но все же он обеспокоен.

(Вайолет начинает подниматься по лестнице.)

ЧАРЛИ. Вай, а ты не думаешь, что Беверли мог просто погрузить лодку на свой трейлер и куда-то смотаться?

МЭТТИ ФЭЙ. Трейлер стоит у гаража, я сама видела, когда мы подъехали.

(Вайолет уходит. Айви уходит за ней следом. Появляется Джонна, занимается разными домашними делами. Чарли поднимает пустую бутылку из-под пива.)

ЧАРЛИ. Извини, дорогуша… ты не могла бы принести еще бутылочку?

МЭТТИ ФЭЙ. Черт возьми, Чарли, она же не официантка.

ЧАРЛИ. Я знаю.

МЭТТИ ФЭЙ. Ну так встань и сам принеси.

(Джонна проходит через комнату и забирает пустую бутылку.)

ДЖОННА. Я принесу. (Выходит.)

МЭТТИ ФЭЙ. Просто не могу поверить: как можно смотреть бейсбол и пить пиво, когда вокруг тебя такое творится? Ты совсем бесчувственный?

ЧАРЛИ. А разве я обязан сидеть не шевелясь, как истукан? Ты-то сама пьешь виски.

МЭТТИ ФЭЙ. Я пью коктейль.

ЧАРЛИ. Ты пьешь чистое виски!

МЭТТИ ФЭЙ. Прошу тебя… веди себя подобающе.

ЧАРЛИ. Мы что, должны сидеть тут и рыдать в темноте?

МЭТТИ ФЭЙ. Ну, хорошо, раз ты такой умный и уже во всем разобрался, давай теперь устроим вечеринку!

ЧАРЛИ. Мэтти Фэй!

МЭТТИ ФЭЙ. Вот именно, вечеринку! Пусть эта девчонка соорудит нам хот-догов и сэндвичей с сыром, мы позовем гостей!

ЧАРЛИ. Ммм… сэндвичи с сыром – звучит заманчиво.

МЭТТИ ФЭЙ. А ведь правда. Чувствуешь? Пахнет чем-то вкусным.

ЧАРЛИ. Да.

МЭТТИ ФЭЙ. Пойдем на кухню посмотрим.

ЧАРЛИ. Я-то тебе для чего? У меня матч.

МЭТТИ ФЭЙ. Вставай, пошли.

(За руку тянет его с дивана.)

ЧАРЛИ. Не нравится мне эта история с лодкой.

(Когда Чарли уходит за Мэтти Фэй, на ходу перехватив свое пиво у Джонны, свет переходит на Вайолет и Айви на площадке второго этажа. В течение следующего диалога они спускаются по лестнице и входят в столовую.)

ВАЙОЛЕТ. Ты звонила Барбаре?

АЙВИ. Да.

ВАЙОЛЕТ. Когда ты звонила?

АЙВИ. Утром.

ВАЙОЛЕТ. И что она сказала?

АЙВИ. Что выезжает.

ВАЙОЛЕТ. А как она сюда доберется?

АЙВИ. Они с Биллом вместе приедут.

ВАЙОЛЕТ. Она сама поведет машину?

АЙВИ. Не думаю.

ВАЙОЛЕТ. Почему?

АЙВИ. Это же очень далеко.

ВАЙОЛЕТ. А Джин приедет?

АЙВИ. Не знаю.

ВАЙОЛЕТ. И когда она здесь будет, она сказала?

АЙВИ. Нет. Просто сказала, что выезжает.

ВАЙОЛЕТ. А что ты ей говорила по телефону?

АЙВИ. Просто что папа пропал.

ВАЙОЛЕТ. И все?

АЙВИ. Разве есть еще что-то?

ВАЙОЛЕТ. А ты сказала, как давно его нет?

АЙВИ. Пять дней.

ВАЙОЛЕТ. Ты ей об этом сказала?

АЙВИ. Кажется.

ВАЙОЛЕТ. А она что?

АЙВИ. Сказала, что выезжает.

ВАЙОЛЕТ. Господи, Айви, что именно она сказала? Как она реагировала? Может, рассердилась или удивилась – как? Ты мне можешь ясно объяснить?

АЙВИ. Она просто ответила, что сразу выезжает.

ВАЙОЛЕТ. Нет, от тебя никакого толку. (Принимает таблетку.) Черт бы побрал твоего отца, из-за него я вынуждена все это терпеть. Просто взял и бросил меня со всем разбираться. Ты видела, на что похож его кабинет? Просто помойка. Ворохи бумаг. Ты видела? Я уже совсем запуталась. А неделю назад он зачем-то нанял эту индейскую девушку, чтобы она следила за порядком, и теперь в моем доме чужой человек. Как ее зовут?

АЙВИ. Джонна.

ВАЙОЛЕТ. Он всегда сам платил по счетам и везде звонил, когда надо, а теперь все неожиданно обрушилось на меня. Ты же знаешь, дом разваливается просто на глазах, там что-то случилось то ли с фундаментом, то ли с насосом или еще с чем-то. Я же ничего в этом не смыслю! Я просто не в состоянии за всем следить сама.

АЙВИ. Я звонила Карен.

ВАЙОЛЕТ. И что она сказала?

АЙВИ. Что постарается приехать.

ВАЙОЛЕТ. Можно подумать, от нее будет какой-то толк. Она вроде тебя. (Принимает еще одну таблетку.) Мне нужна Барбара.

АЙВИ. Не знаю, чем Барбара сможет помочь.

ВАЙОЛЕТ. Что ты сделала с волосами?

АЙВИ. Выпрямила.

ВАЙОЛЕТ. Выпрямила? Не понимаю, как вообще кому-то в голову может прийти мысль выпрямить волосы!

АЙВИ. Не знаю.

ВАЙОЛЕТ. А ты-то зачем это сделала?

АЙВИ. Просто захотелось перемен.

ВАЙОЛЕТ. Ты же красивая девочка, самая красивая из всех трех моих дочерей, но ты всегда похожа на чучело. Почему ты совсем не пользуешься косметикой?

АЙВИ. А что, надо?

ВАЙОЛЕТ. Всем женщинам нужна косметика. И не верь, если кто-то попробует тебя убедить, что это не так. Есть только одна женщина, которая могла себе позволить не краситься, – Элизабет Тейлор! И то она пользовалась тоном. Сядь прямо!

АЙВИ. Мама!

ВАЙОЛЕТ. Ты ужасно сутулишься, волосы прямые, совсем не красишься. Похожа на лесбиянку. А ведь ты достаточно хорошенькая, могла бы найти себе приличного мужчину, если бы привела себя в порядок. Хоть чуть-чуть. Вот и все, что я хочу сказать.

АЙВИ. Я не ищу никакого мужчину.

ВАЙОЛЕТ. А напрасно! Всем нужен кто-то рядом.

АЙВИ. Никто мне не нужен!

ВАЙОЛЕТ. Послушай, я прекрасно знаю, что вокруг полно идиотов. Но то, что тебе когда-то попался один из них, еще не значит, что…

АЙВИ. Барри не был идиотом.

ВАЙОЛЕТ. Барри был полной бездарностью. И я тебя с самого начала предупреждала, разве нет? С первого дня, когда ты с ним прикатила сюда на той чудовищной электрической тарахтелке, а он был с оранжевой бородой и в тюрбане!

АЙВИ. Это был не тюрбан.

ВАЙОЛЕТ. Я просто не понимаю, как ты их выбираешь… Тебе уже сорок три года…

АЙВИ. Сорок четыре.

ВАЙОЛЕТ. Хорошо, сорок четыре. Может, тебе уже и поздно заводить детей, и в этом нет ничего страшного, если ты сама их не хочешь, но разве ты не хотела бы

найти себе мужа?

АЙВИ. Мужа? Здесь, в Похаске?

ВАЙОЛЕТ. Не важно, люди знакомятся не там, где живут, а там, где работают. А ты работаешь в колледже в Талсе. И не говори, что к тебе в библиотеку никто не заходит.

АЙВИ. Ты хочешь, чтобы я вышла замуж за студента? Какого-нибудь восемнадцатилетнего юнца из захолустья?

ВАЙОЛЕТ. Но в колледже еще и преподаватели есть, правда? Вот и твой отец там преподавал когда-то…

АЙВИ. Барри тоже там преподавал.

ВАЙОЛЕТ. Конечно! «Охрану окружающей среды»! Твой Барри просто неудачник.

АЙВИ. Он не неудачник…

ВАЙОЛЕТ. И вообще он тебя бросил. Разве нет? На мой взгляд, уже это одно делает его…

АЙВИ. Он меня не бросил, просто у нас не сложилось.

ВАЙОЛЕТ. Ну, хорошо, милая, прости меня. Я ведь не хочу тебя расстраивать. Но скажу тебе откровенно: может быть, у вас все и сложилось бы, если бы ты хоть иногда пользовалась косметикой. (Принимает еще одну таблетку.) Это какая по счету?

АЙВИ. Я не считала.

(Вайолет принимает еще одну таблетку.)

У тебя во рту жжет?

ВАЙОЛЕТ. Просто невыносимо. Язык как в огне.

АЙВИ. Тебе разве можно курить?

ВАЙОЛЕТ. А разве кому-нибудь можно курить?

АЙВИ. Но у тебя все-таки рак.

ВАЙОЛЕТ. Айви, мне есть о чем сейчас волноваться, так что не приставай ко мне с курением.

АЙВИ. Я и не пристаю.

ВАЙОЛЕТ. Просто отстань.

АЙВИ. Тебе страшно?

ВАЙОЛЕТ. Конечно, мне страшно. И ты для меня такое утешение, детка. Слава богу, хоть одна из моих девочек осталась жить рядом с домом. В мое время семьи держались вместе.

АЙВИ. Это было совсем другое время.

ВАЙОЛЕТ. Еще бы! Ты звонила Мэтти Фэй?

АЙВИ. Тетя Мэтти уже здесь.

ВАЙОЛЕТ. Да я знаю, дуреха. Я спрашиваю: это ты ей позвонила?

АЙВИ. А я думала, ты.

ВАЙОЛЕТ. Ну, может быть. Уже не помню.

АЙВИ. Конечно, мама, у тебя голова сейчас занята совсем другим.

ВАЙОЛЕТ. Она думает, что может сюда являться и указывать, что и как мне делать.

АЙВИ. Не представляю, как дядя Чарли с ней уживается.

ВАЙОЛЕТ. Просто он курит травку.

АЙВИ. Он что?

ВАЙОЛЕТ. Я говорю, он курит травку, и в больших количествах!

(Они смеются.)

АЙВИ. Травку? Ты сказала травку?

ВАЙОЛЕТ. А как еще это назвать?

АЙВИ. Ты что, Клэптоном увлеклась?

ВАЙОЛЕТ. Почему?

АЙВИ. Вон у тебя альбом Эрика Клэптона.

ВАЙОЛЕТ. Он у меня уже целую вечность.

АЙВИ. Никогда не видела.

ВАЙОЛЕТ. Я люблю Клэптона. У него такой хороший ритм. Знаешь, я ведь не старая.

(Свет меркнет в столовой и переходит на переднюю веранду, когда там появляются Барбара и Билл с чемоданами в руках. Вайолет и Айви выходят, а Мэтти Фэй и Чарли во время следующего диалога появляются на пороге кухни с тарелками с яблочным пирогом в руках и направляются в столовую.)

БАРБАРА. Что Джин делает?

БИЛЛ. Курит.

БАРБАРА. Я была бы крайне признательна, если бы ты перестал ей в этом потакать.

БИЛЛ. Я не потакаю.

БАРБАРА. Ну, не знаю. Просто ты как-то странно произнес это «курит», будто гордишься тем, что наша четырнадцатилетняя дочь пристрастилась к сигаретам.

БИЛЛ. Ну что, ты готова?

БАРБАРА. Нет. Я не могу.

БИЛЛ. Тогда давай подождем еще минутку.

(Стоят, всматриваясь в темноту, вдыхая ночной воздух.)

БАРБАРА. Черт, какая жара.

БИЛЛ. Эх ты, нытик!

БАРБАРА. Знаю! Я совсем изнежилась в Колорадо.

БИЛЛ. Вот поэтому-то мы и уехали отсюда.

БАРБАРА. Нет, не поэтому.

БИЛЛ. Как ты думаешь, твоя мать включила кондиционер?

БАРБАРА. Ты смеешься? Помнишь попугайчиков?

БИЛЛ. Каких попугайчиков?

БАРБАРА. Разве я тебе не рассказывала ту историю? Она купила себе попугайчика, уж не знаю зачем, а этот бедолага взял и сдох через пару дней. Тогда она поехала в магазин и устроила там скандал, и ей дали другого попугайчика. Этот умер всего через день. Она опять поехала в магазин, и ей дали третьего, который, естественно, тоже окочурился. Тогда кто-то из зоомагазина сам приехал посмотреть, что же такое делает эта серийная убийца попугаев, что они у нее мрут как мухи.

БИЛЛ. И что же?

БАРБАРА. Оказалось, это от жары! Они умирали от жары!

БИЛЛ. Невероятно!

БАРБАРА. И это тропические птицы! Они же должны хорошо переносить жару.

(Пауза. Она оглядывается вокруг.)

О чем они только думали?

БИЛЛ. Кто?

БАРБАРА. Те идиоты, что решили здесь осесть. Немцы, и голландцы, и ирландцы. Хотела бы я взглянуть на того дурака, которому пришло в голову воткнуть свой флаг в эту раскаленную пустошь. Я вот думаю: мы что, индейцев перерезали ради этого?

БИЛЛ. Ну, геноцид никогда не кажется таким ужасным в тот момент, когда он совершается.

БАРБАРА. Значит, ты считаешь, что такие вещи можно оценивать только задним числом, спустя столетия?

БИЛЛ. Как бы там ни было, если ты хочешь, чтобы я тебе поведал о гнусной сущности Среднего Запада, то ты не у того спрашиваешь.

БАРБАРА. Нет-нет, постой, здесь не Средний Запад. Понятно? Вот Мичиган – это Средний Запад, бог знает почему. А здесь – Равнины. Равнины – это некое состояние души, тоска. Вроде вируса. Как блюзы.

БИЛЛ. «Привет, как дела?» – «Спасибо, ничего. Только, кажется, я подцепил что-то равнинное».

(Оба смеются. Билл нежно касается ее шеи.)

БАРБАРА. Не надо.

(Она отстраняется. Оба отводят глаза. Наступает неловкая пауза.)

(О Джин.) Ну, где она? Она что там, сигару докуривает?

БИЛЛ. Вот она.

(На веранде появляется Джин с чемоданом в руках.)

Ты готова, малыш?

ДЖИН. Готова.

БАРБАРА. Отлично. (Целует Джин.) Ты мое золото. А у меня прилив. Ну… с богом!

(Свет на прихожей, когда туда входят Барбара, Билл и Джин.)

Мама!

(Свет переходит на столовую. Мэтти Фэй и Чарли идут от столовой к прихожей. В течение следующего диалога все говорят очень быстро и почти одновременно; диапазон голосов – от очень громкого (Мэтти Фэй) до тихого (Айви)).

Говорят одновременно

МЭТТИ ФЭЙ. Боже мой! Барбара!..

БАРБАРА. Тетя Мэтти…

МЭТТИ ФЭЙ. Дай я тебя обниму, дорогая! (Барбара и Мэтти Фэй обнимаются.)

(Через плечо Барбары.) Билл, привет! Господи, как ты похудел!

БИЛЛ. Привет, Мэтти Фэй.

МЭТТИ ФЭЙ. А это кто? Нет, вы только на нее взгляните! Иди сюда, солнышко, обними свою тетю Мэтти!

(Мэтти Фэй и Джин обнимаются. Билл и Чарли пожимают руки.)

БИЛЛ. Привет, Чарли.

ЧАРЛИ. Билл! Что-то ты исхудал, старик!

МЭТТИ ФЭЙ (по-прежнему обращаясь к Джин). Боже мой, как ты выросла! А грудь-то какая большая, просто невероятно! Вы только посмотрите! В последний раз, когда я тебя видела, ты была плоской, как мальчишка.

(Барбара и Чарли обнимаются.)

ЧАРЛИ. Здравствуй, милая.

БАРБАРА. Рада тебя видеть, дядя Чарли.

ЧАРЛИ. И я тоже.

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, я просто в себя не могу прийти от этой девочки! Билл, пойди сюда, обними меня!

(Чарли легонько хлопает Джин по плечу и целует в висок.)

ЧАРЛИ. Рад тебя видеть, детка.

ДЖИН. Взаимно.

ЧАРЛИ (передразнивая ее). «Взаимно!» Надеюсь, что взаимно.

(На лестнице появляется Вайолет, следом за ней Айви. Вайолет начинает плакать, бросается к Барбаре, стискивает ее. Айви наблюдает за всем со ступенек.)

БАРБАРА. Не надо, мама. Все хорошо, я здесь, я с тобой.

(Вайолет плачет. Остальные застывают в неловком молчании, уважая ее горе.)

Тихо, тихо, я уже здесь.

БИЛЛ (обращаясь к Чарли). Что, никаких новостей?

Говорят одновременно

ЧАРЛИ. Нет.

МЭТТИ ФЭЙ. Ни-че-го.

БАРБАРА. Ну, не плачь, мама.

ВАЙОЛЕТ. Что я теперь буду делать? Что я буду делать?

БАРБАРА. Мы еще поговорим об этом. Ты уже видела Билла и Джин?

(Вайолет замечает остальных.)

ВАЙОЛЕТ. Здравствуй, Билл.

БИЛЛ. Здравствуйте, Вайолет.

(Они целуются.)

Как ужасно, что вам приходится через все это проходить.

(Вайолет обнимает его и плачет.)

ВАЙОЛЕТ. Мне так страшно!

(Мэтти Фэй протягивает руку и поглаживает спину Вайолет.)

МЭТТИ ФЭЙ. Конечно, тебе страшно, дорогая.

ВАЙОЛЕТ. Ты стал слишком худой.

БИЛЛ. Нет, что вы.

ВАЙОЛЕТ. Я же вижу.

(Вайолет замечает Джин.)

Боже мой, вы только посмотрите на нее!

МЭТТИ ФЭЙ. Вот и я говорю, ее просто не узнать. Ты видела, какая у нее грудь?

ДЖИН. Давайте теперь все будем разглядывать мои сиськи.

МЭТТИ ФЭЙ. Просто они стали такими большими.

ЧАРЛИ. Мэтти Фэй!

(Вайолет обнимает Джин.)

ВАЙОЛЕТ. Ты стала просто красавицей! Спасибо, что приехала.

ДЖИН. Ну что ты, бабушка.

БАРБАРА. Айви, я тебя не заметила!

АЙВИ (спускаясь по лестнице). Здесь и без меня тесно.

БАРБАРА. Ты прекрасно выглядишь. Правда, Билл?

БИЛЛ. Конечно.

БАРБАРА. И волосы просто потрясающие!

ВАЙОЛЕТ. Она их выпрямила.

БАРАБАРА. Я вижу. Мне очень нравится.

(Айви и Джин машут друг другу.)

АЙВИ. Джин!

ДЖИН. Привет, тетя.

(Вайолет тянет Барбару за собой в гостиную. Остальные идут за ними.)

ВАЙОЛЕТ. Барбара или ты, Билл, не важно кто. Я хочу, чтобы вы пересмотрели все вещи отца и помогли мне разобраться с документами.

Говорят одновременно

БАРБАРА. Конечно, мама, мы все сделаем, еще будет время.

АЙВИ. Я как раз хотела сама…

ВАЙОЛЕТ. Там такой беспорядок, я ничего не могу понять…

БИЛЛ. Конечно, Вайолет, я займусь этим.

БАРБАРА (обращаясь к Чарли). Вы в какой комнате остановились?

МЭТТИ ФЭЙ. Нет-нет, мы сегодня возвращаемся.

ВАЙОЛЕТ. Как, вы не останетесь?

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, милая. Мы уезжали в такой спешке, что ни кем не договорились насчет чертовых собак.

ВАЙОЛЕТ. И вы хотите ехать сейчас? Полтора часа по темноте?

МЭТТИ ФЭЙ. Не то чтобы очень, учитывая, как Чарли водит машину. Но в любом случае тебе наверняка не терпится провести время с девочками.

ВАЙОЛЕТ. Может, кому-то можно позвонить насчет собак? А что Малыш Чарли? Он не может за ними присмотреть?

ЧАРЛИ. Да, это мысль…

МЭТТИ ФЭЙ. Нет, он не может. Так что нам придется вернуться.

ЧАРЛИ. Может, позвонить ему, Мэтти Фэй?

МЭТТИ ФЭЙ. Мы этот вопрос уже обсуждали.

ЧАРЛИ. Я знаю, но…

МЭТТИ ФЭЙ (обращаясь к Вайолет). Тебе и так нужно всех разместить. Все равно кроватей не хватило бы…

ВАЙОЛЕТ. Вы могли бы переночевать у Айви.

АЙВИ. (Пауза.) Конечно. У меня есть место.

МЭТТИ ФЭЙ (обращаясь к Чарли). Мы это уже обсуждали!

БАРБАРА. Сами решайте. Мама, Джин может ночевать в мансарде?

ВАЙОЛЕТ. Нет, там живет эта, как ее…

АЙВИ. Джонна.

БАРБАРА. Какая Джонна?

ВАЙОЛЕТ. Это индейская девушка, которая живет у меня в мансарде.

БАРБАРА. Кто-кто?

(Входит Джонна.)

ДЖОННА. Добрый вечер! Меня зовут Джонна. Добро пожаловать домой!

Сцена 2

Барбара, Билл и Вайолет пьют кофе с пирогом в гостиной. Таблетки начинают оказывать на Вайолет действие.

В остальных частях дома: Джонна читает у себя в мансарде; Джин слушает iPod на площадке второго этажа.

ВАЙОЛЕТ. Это было в субботу. В субботу утром. Эта индейская девушка приготовила нам лепешки с соусом, мы немного поели, потом… он вышел в ту дверь, во-оон в ту. И все.

БАРБАРА. И это был последний раз, когда ты его видела.

ВАЙОЛЕТ. Я легла спать в субботу, встала в воскресенье утром… а Беверли все нет. Я не обратила внимания, думала, он просто ушел куда-то, чтобы как следует напиться.

БАРБАРА. Зачем? Как будто ему дома пить не давали. Если, конечно, ты ему еще не всю плешь проела.

ВАЙОЛЕТ. Да я в жизни ничего не говорила насчет выпивки, правда, никогда его не пилила.

БАРБАРА. Так я тебе и поверила.

ВАЙОЛЕТ. Барбара, я клянусь! Он мог напиваться до бесчус… бесчуй…

БАРБАРА. До бесчувствия, ты хочешь сказать.

БИЛЛ. Значит, в воскресенье от него по-прежнему ни слуху ни духу…

ВАЙОЛЕТ. Вот именно, в воскресенье тоже ничего. Я начала волноваться, естественно, и вот тогда вспомнила про нашу ячейку в банке. Сейф. Мы ведь держали там кучу наличных, кое-какие драгоценности, причем дорогие. У меня там даже лежало бриллиантовое кольцо, которое оценили в семь тысяч долларов…

БАРБАРА. Подожди, подожди, я что-то не улавливаю. При чем тут сейф?

ВАЙОЛЕТ. Конечно, догадываюсь, что ты сейчас станешь говорить. И тем не менее. Мы с твоим отцом когда-то договорились: если с одним из нас что-то случится, то другой пойдет и все оттуда заберет.

БАРБАРА. Зачем?

БИЛЛ. Затем что все это стало бы частью общего имущества, и потом пришлось бы черт знает сколько ждать, пока утвердят завещание.

ВАЙОЛЕТ. Вот-вот.

БАРБАРА. Не могу поверить! До чего же ты цинична!

ВАЙОЛЕТ. Я так и знала, что ты не одобришь…

БАРБАРА (нетерпеливо). Ладно, так что там с этой ячейкой?

ВАЙОЛЕТ. Мне надо было дождаться, пока в понедельник не откроется банк. И когда я все оттуда забрала, я позвонила в полицию и заявила, что он пропал. В понедельник утром.

БАРБАРА. И ты только сегодня – в четверг! – мне позвонила?

ВАЙОЛЕТ. Я тебе не звонила.

БАРБАРА. Не важно. Ты попросила Айви. Пять дней спустя!

ВАЙОЛЕТ. Детка, я не хотела тебя тревожить…

БАРБАРА. Боже правый!

БИЛЛ. Вайолет, вы уверены, что между вами ничего такого не произошло, что могло бы его вынудить?..

ВАЙОЛЕТ. Ты хочешь сказать, ссора?

БИЛЛ. Ну да.

ВАЙОЛЕТ. Нет. Мы, конечно, часто ссорились… вы же сами знаете… но в этот раз он просто встал и ушел.

БАРБАРА. Может, ему захотелось немного от тебя отдохнуть.

ВАЙОЛЕТ. Как это мило с твоей стороны!

БАРБАРА. А что такого? Брак – это тяжкий труд.

БИЛЛ. Даже при самых благоприятных обстоятельствах.

БАРБАРА. Так ты говоришь, он ни слова не сказал? Ни тебе «Увидимся позже», ни «Пойду пройдусь»?

(Вайолет отрицательно трясет головой.)

Наш старый добрый непроницаемый папа!

ВАЙОЛЕТ. Да, что за человек?! За это я тогда… когда… тогда… в него и влюбилась! За загадочность. Мне это казалось таким сексуальным. В любой компании всегда было ясно, что он самый умный и что, если только он откроет рот, переспорит кого угодно. Но нет, он просто стоял и тихонько улыбался… и ни слова. Очень сексуально.

БАРБАРА. Ну да, только эта его загадочность – палка о двух концах.

БИЛЛ. А вы в нем ничего странного или необычного не заметили?

ВАЙОЛЕТ. Он нанял эту женщину, даже не спросив меня. Просто привел в дом и оставил тут жить. За несколько дней до того, как ушел.

БАРБАРА. Ты не хочешь, чтобы она тут жила, да?

ВАЙОЛЕТ. Просто не понимаю, зачем она здесь. Она же чужой человек. К тому же индианка.

БИЛЛ (смеется). Вы имеете что-то против индейцев, Вайолет?

ВАЙОЛЕТ. Ну, о чем мне говорить с индианкой?

БАРБАРА. Их называют «коренные американцы», мама.

ВАЙОЛЕТ. Кто? Кто их так называет? Кто так решил?

БАРБАРА. Им нравится, когда их так называют.

ВАЙОЛЕТ. Они не более коренные, чем я.

БАРБАРА. Строго говоря, более.

ВАЙОЛЕТ. А что такого, если я буду говорить «индейцы»?

БАРБАРА. Ну почему так сложно называть людей, как им нравится?

ВАЙОЛЕТ. Тогда давайте и динозавров будем называть «коренные американцы».

БАРБАРА. Может, она и индианка, но она печет самые вкусные пироги с яблоками, что я когда-либо ела!

БИЛЛ. Потрясающий пирог, правда?

БАРБАРА. Пальчики оближешь!

ВАЙОЛЕТ. Так она кухарка? Он кухарку нанял? Тогда я совсем ничего не понимаю. Мы же ничего не едим.

БАРБАРА. Полезная диета!

ВАЙОЛЕТ. То есть мы едим сыр, разные соленья, может, бутерброды с ветчиной… Но даже не припомню, когда мы в последний раз зажигали плиту… наверное, уже несколько лет…

БАРБАРА. А теперь ты ешь лепешки с соусом. Разве не вкусно?

ВАЙОЛЕТ. Тебе-то легко говорить. Но ты скоро уедешь и никогда не вернешься.

БАРБАРА (предупреждающе). Мама!

ВАЙОЛЕТ. Вот скажи, когда ты в последний раз здесь была?..

БАРБАРА. Пожалуйста, не начинай…

ВАЙОЛЕТ…я даже не помню.

БАРБАРА. Я делаю все, что от меня требуется, мама: я звоню, я пишу письма, шлю подарки…

ВАЙОЛЕТ. Неправда, ты не пишешь…

БАРБАРА. Я всегда шлю подарки на день рождения и на День матери…

ВАЙОЛЕТ. Вот именно, что когда «требуется».

БАРБАРА. Не надо меня цитировать!

БИЛЛ. Ну, довольно…

ВАЙОЛЕТ. Вы взрослые люди. Взрос-лы-е! И можете уезжать, куда хотите…

БАРБАРА. У меня море обязанностей, мама, моей дочери скоро в университет поступать…

ВАЙОЛЕТ. Неужели? Последний раз, когда я ее видела, она только в школу пошла.

БАРБАРА. Я не хочу сейчас об этом говорить.

ВАЙОЛЕТ. На вас двоих мне наплевать. Но я хочу хоть изредка видеть свою внучку.

БАРБАРА. Вот ты и видишь.

ВАЙОЛЕТ. Ты бы об отце подумала! Ведь ты ему сердце разбила, когда уехала отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/treysi-letts/avgust-grafstvo-oseydzh-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Название пьесы взято из стихотворения Говарда Старкса «Август: графство Осейдж».

2

Из стихотворения Джона Берримена «Проклятие», перевод О. Буховой. – Здесь и далее примеч. пер.

3

Примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/treysi-letts/avgust-grafstvo-oseydzh-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити